

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Международная конференция SPECOM 99 (Speech and Computer) состоялась в Москве 4–7 октября 1999 года. Материалы конференции опубликованы на английском языке.

Конференция была организована Московским Государственным лингвистическим университетом (МГЛУ) в сотрудничестве с Санкт-Петербургским Институтом информатики и автоматизации Российской Академии наук. Генеральный спонсор – INTAS (International Association for cooperation with scientists from the New Independent States). Председатель научного комитета конференции – И.И. Халеева. Председатель оргкомитета – Р.К. Потапова.

Работа конференции была организована по секциям. Наиболее важные и обзорные доклады были вынесены на пленарные заседания и составили цикл обзорных лекций. Секция А – "Разработка моделей устного диалога. Интеграция различных знаний в процесс понимания речи". Секция В – "Мультилингвальные и мультимодульные системы". Секция С – "Распознавание речи в диалоговых системах". Секция Д – "Концептуальные подходы к диалоговым обучающим системам; единицы речи". Секция Е – "Прикладные системы и новые технологии; методы передачи речи". Секция F – "Синтез речи на основе текста". Секция G – "Базы данных для речевых сигналов". Секция H – "Фонетические аспекты диалога с компьютером". Секция I – "Системы идентификации и верификации говорящего".

В обзорном докладе В. Г а л у н о в а и В. Т а у б к и н а (С.-Петербург) "Речевые технологии и наука о речи" современные речевые технологии делятся на три части. Первая – наука о речи, все знания, которые мы имеем о речевых сигналах, порождении и понимании речи. Сюда включают также модели устной речи, методы обработки

речевых сигналов. Вторая часть – речевые технологии сами по себе, т.е. отдельные устройства и методы распознавания речи. Наконец, третья часть – действующие системы распознавания речи. Можно составить такую схему отношений: наука о речи – речевые технологии – прикладные системы практического применения. Последние, в свою очередь, могут быть разделены на три класса: 1) военные системы и системы специального применения. Их стоимость не имеет значения, и они весьма ограничены в применениях; 2) коммерческие системы. Для них важна стоимость и эффективность; 3) демонстрационные системы. Предназначены показать уровень работ данной фирмы. Доклад Дж. К о к к и н а к и с а (Греция, Патрас) "Системы речевого диалога для автоматизации справочного обслуживания" посвящен способам автоматизации различных справочных систем, таких, как железнодорожные справочные службы, телефонные справочники и пр. с целью восприятия устной речи пользователей в автоматическом режиме. В докладе Ю. К о с а р е в а (С.-Петербург, РАН) "Использование некоторых резервов языка и экстралингвистических данных для повышения эффективности диалоговых систем" говорится, что по мере того, как повышается результативность систем, растет потребность использовать разнообразные сведения, составляющие характеристику человеческого мышления и понимания. Описываются некоторые системы, созданные в Петербургском институте информатики и автоматизации, – роботы, выполняющие действия по устным командам, распознающие речь устройства и т.п.

Доклад Ю.Н. М а р ч у к а (Москва) "Начальный этап машинного перевода в СССР: ретроспективный взгляд" посвящен оценке результатов работ в СССР в пятидесятые годы. Подчеркивается роль Ю.А. Моторина, Д.Ю. Панова и И.К. Бельской в формулировке преобладающего сей-

час в машинном переводе подхода к моделированию перевода на уровне переводных соответствий. В коллективном докладе Н.Ф. Попова, А.Н. Линькова, А.В. Фесенко, Н.Б. Кураченковой, Н.В. Байчарова, И.П. Карлина, И.Н. Тимофеева, Р.К. Потаповой (Москва) "Интерактивная экспертная система для судебной идентификации, используемая в России" описывается система ДИАЛЕКТ, широко используемая в правоохранительных органах России. Высокая эффективность ее обеспечивается применением как акустического анализа, так и участием экспертов. Лингвистический анализ производится опытными специалистами с использованием 200 лингвистических характеристик. Доклад Р.К. Потаповой "Основанная на знаниях система речевого ввода для русского языка" содержит описание системы, состоящей из двух компонент: 1) сегментации фонем, основанной на чтении спектрограммы экспертом и 2) идентификации фонем, с использованием нейронных сетей, применяемых к фонемным границам, определяемым при сегментации фонем. Весьма точная сегментация фонем осуществляется с использованием контекстуального чтения спектрограмм.

Статистический подход к проблеме подробно освещен в докладе Г. Риголла и С. Мюллера (Германия) "Методика статистического распознавания образов для мультимодульного человеко-машинного взаимодействия и мультимедийной обработки информации". Наиболее мощным статистическим механизмом распознавания образов продолжают оставаться скрытые цепи Маркова. Причины: они идеально подходят для установления типов практически любых произвольных объектов, располагают мощным аппаратом самообучения, эффективны при декодировании и осуществляют распознавание и сегментацию образов за один шаг. В докладе показывается эффективность цепей Маркова в решении всех этих задач.

Секция А "Разработка моделей речевого диалога; интеграция различных знаний в процесс понимания речи" начинается с доклада "Стохастическая концептуальная модель для понимания устной речи" (К. Бускет-Вернетт, Н. Вигору и Г. Перенну — Франция, Университет Поль Сабатье, Тулуза). Описывается система CASAO (*comprehension automatique par segment conceptual assisté par ordinateur* — распознавание по концептуальным сегментам с помощью компьютера), предназначен-

ная для автоматизированного распознавания массовых устных запросов к справочным системам. Стохастические парсеры считаются наиболее эффективными, поскольку они могут распознавать много разных семантических структур. Для концептов, начинающих с многозначных слов, таких, например, как *pour... (pour ... euh. je. vais a Paris* "мне... ээ.. надо в Париж") используется контекст. В докладе "Сочетание статистики с семантическими сетями в диалоговой системе в реальном времени" (Ж. Фишер, Э. Нэт, Х. Ниман — Эрлангер, Германия) описывается новый подход к пониманию речи, который основан на точном представлении знаний, автоматически получаемых из семантической сети, в сочетании со стратегией итеративного контроля. Другие доклады секции: "Системы устного диалога: мера сложности вопросов к системе" (К.-А. Лавель, Г. Перенну — Тулуза, Франция); "Ускорение лексического доступа вследствие знания слов и ударения в японском языке" (Н. Минемацу, С. Накагава — Тойобаши, Япония).

Секция В "Многоязычные и мультимодульные системы" содержит один доклад: "Основанное на устной речи мультимодульное взаимодействие человека и компьютера" (Л.Ж.М. Роткранц, М. Андре, Б. Слетерлинк — Дельфт, Нидерланды). Описывается проект, осуществляемый в Технологическом университете г. Дельфта, целью которого является определить и оценить технологию воплощения синергетических комбинаций модулей человеко-компьютерного взаимодействия в измерениях видимого изображения, звука и ощущения. Современные человеко-компьютерные системы в основном работают от клавиатуры и мыши, и это не очень благоприятный для человека ввод. Мультимодульные системы предусматривают гораздо более удобный ввод — звук, свет, прикосновение и пр.

Секция С "Расознавание речи для диалоговых систем" включает семь докладов. Два первых подробных доклада французских ученых из Нанси, Франция, "Повышение эффективности многодиапазонного распознавания речи" (Ж.-П. Атон, Ц. Церизара, Д. Фор) и "Объединение методик анализа речи и лексикализованных грамматик деревьев с взвешенными синхронными автоматами" (Ж.-Л. Уссон и П. Лопес) посвящены соответственно двум новым алгоритмам для распознавания речи, первый из которых повышает устой-

чивость системы против стационарных шумов, а второй осуществляет обучение системы с целью достижения оптимума распознавания, и описанию архитектуры, предназначенной для эффективного и надежного объединения различных уровней распознавания речи. Статические знания моделируются автоматами с конечным числом состояний, что ведет к оптимальному разделению общих подструктур анализа. Такая архитектура позволяет, с одной стороны, разделять вероятностную и символическую обработку, а с другой – межуровневые интерфейсы и контрольные тесты. Второй доклад обильно снабжен иллюстрациями и диаграммами, наглядно показывающими работу устройств и всей системы в целом.

В данной секции были широко представлены работы японских и южнокорейских ученых. Для этих докладов характерна высокая степень детализации и наглядности, они содержат большое количество диаграмм, графиков и иллюстраций на уровне машинных выводов, что весьма полезно для понимания сути представленной идеи и степени ее практической разработки. В докладе "Адаптивный сокращающий поиск пороговый алгоритм для эффективного распознавания речи" (Чул - Юн Хванг, Се - Юн Ох, Хо - Юл Юнг, Хун - Юл Чунг - Куонсан, Корея) предлагается новый алгоритм для сокращения поиска, который значительно уменьшает время процесса распознавания. Поскольку максимальные вероятности у соседних фреймов сильно взаимосвязаны, эффективные пороги для сокращения ветвей поиска могут быть получены из максимальных вероятностей предыдущих фреймов. Главная идея заключается в том, чтобы установить порог для рассматриваемого фрейма на основе комбинации из предыдущей максимальной вероятности и вероятностей гипотезы. Алгоритм был применен в системе распознавания адресов в Корею, которая состоит из 48 фонемоподобных звуков и целей Маркова для обучения распознаванию. Применение алгоритма сократило на 14,4 процента время поиска при сохранении высокой его эффективности.

Еще один доклад корейских ученых из этого же университета, "Разработка и оценка двойной системы восстановления карты с использованием интерфейса распознавания речи" (Тэ - Су Ким, Чул - Юн Хванг, Хо - Юл Юнг, Хун - Юл Чунг) посвящен специальной идее распознавания географической информации. В докладе японских ученых "Акустическое

распознавание речи двух- и трехслойными нейронными сетями с конкуренцией и кооперацией" (Тетзуро Китадзю, Сунг - Ил Ким, Томоюки Ичики, Макото Фунамори - Миузаки, Япония) описывается новый алгоритм для распознавания речи, в котором применяются видеоуровни распознавания образов с конкуренцией и кооперацией. Идейная стратегия – цели Маркова. Используется база данных из 216 слов, акустические модели со стереоизображением дают результат примерно на 5,1% выше, чем обычные прisms. Другие два доклада этой секции – "Совершенствование взаимодействия между n -классной и n -граммной языковой моделью" (К. Смайли, И. Зитунни, Ж.П. Атон – Нанси, Франция) и "Пофонемное распознавание в связной речи" (Т. Винцюк – Киев, Украина).

В следующих секциях значительное место занимают доклады российских ученых. Секция D: "Концептуальные подходы к диалоговым обучающим системам; единицы речи". Она открывается докладом Г.Е. Кедровой, О.В. Дедовой и В.В. Потапова (МГУ им. Ломоносова, Москва) "Гипертекстовая мультимедийная база данных русской фонетики для дистанционного обучения". Курс дистанционного обучения фонетике русского языка включает циклы обучения русским гласным, русским согласным и ударению. Все модули системы связаны между собой и составляют единый информационный комплекс. Н. Петлюченко (Одесский Государственный университет, Одесса) представила доклад на тему "Акустические доказательства напряженности в немецких взрывных согласных". В секции E "Прикладные системы и новые технологии; методы передачи речи" помещены доклады Г.В. Богачева и А.А. Рыболовлева (Орел, Россия) "Использование акустико-фонетического классификатора для оптимизации кодирования с линейным предсказанием", М. Брауде-Золотарева и Ю. Брауде-Золотарева (Москва) "Рекуррентная оценка мультидиапазонного тона", доклад японских ученых "Система речевого интерфейса для задач информационного поиска в WWW" (Ацукико Кай, Такахино Накано, Сейчи Инакагава), доклад Ивана Лапри "Автоматический тракинг формантов методом активного контура" (Нанси, Франция), подробные доклады российских специалистов В.Г. Михайлова "Измерения качества речи" и С. Толдовой "Порождение ответного образа как часть

модели диалога с телефонной справочной системой" (МГУ им. Ломоносова, Москва).

Специалисты МГУ представили также ряд докладов на следующую секцию – секцию F "Синтез текст-речь". В докладе А. Бабкина и Л. Захарова "Проверка системы "текст-речь" в МГУ рассматривается проблема оценки качества синтеза речи. Тесты включают определение понятности и естественности речи. В докладе О. Кривной описываются общие принципы и структура порождающей речь системы для русского языка. Другие доклады секции: С. Держагин, М. Трынка, М. Рушко (Институт управления и робототехники Словацкой академии наук, Братислава) "Применение системы "текст-речь" для синтеза песни в словацком языке"; Дж. Лонгстер, Р. Саханди, Д.С.Дж. Уайн (школа дизайна, инжиниринга и компьютеризации Университета Борнмут, Англия) "Временная генерация просодии и сегментации". Другой доклад этих же специалистов: "Запись конкатенативных единиц синтеза речи с использованием референциальной подсказки". В секции G "Базы данных речевых сигналов" два доклада: В. Кузнецов и др. (МГУ и Вычислительный центр Российской Академии наук) "Конструирование и реализация базы данных телефонной сети на русском языке" и М. Суги я м а (Япония, Университет Фукушима) "Быстрые и эффективные алгоритмы поиска сегментов".

Секция H "Фонетические аспекты диалога с компьютером" включает два доклада: Т. Накаи, К. Сато, Я. Сузуки, К. Исида (Университет Шицуока, Япония) "Распределение звукового давления и пути распространения в вокальном тракте с пуриформ фосса и супраглоттис" и В. Мо-

р о з о в а (РАН, Институт психологии) и Ю. Кузнецова (Московская Государственная консерватория) "Эмоциональная окраска голоса и феномен квазигармонии обертонов". Доклады снабжены представительными распечатками машинного анализа данных и диаграммами.

Последняя секция, секция I "Системы идентификации и верификации говорящего" включает пять докладов. Е.И. Галашина (Бюро независимых судебных экспертов "Версия", Москва) в докладе "Фонетический анализ коротких высказываний: практический метод точной судебной идентификации говорящего" описывает подход текстозависимого фонетического анализа. Этот вид анализа является обязательным для эффективного распознавания личности говорящего. Доклад С.Н. Криво ва (Российский федеральный центр судебных исследований, Москва) "Идентификация говорящего при маскировке голоса" содержит описание использования динамических спектральных параметров для установления факта маскировки голоса. В докладе Р.К. Потаповой (МГЛУ, Москва) "Некоторые аспекты обучения фонетике судебных экспертов (на основе русского языка)" рассматривается использование электронной энциклопедии для русского языка как средства такого обучения. Другие доклады секции: В.А. Орлов (Владивосток, Россия) "Исследование эмоционального состояния говорящего по спектральным характеристикам речи"; Б. Сабак и И. Гават (Политехнический университет Бухареста, Румыния) "Идентификация говорящего с использованием отличительных характеристик – a growing neural gas approach".

Ю.Н. Марчук (Москва)

8–10 октября 1999 года в университете г. Торунь (Польша) состоялась третья встреча рабочей группы европейских славистов ПОЛИСЛАВ (POLYSLAV). Группа образована в октябре 1997 г. по инициативе Б. Вимера (Констанц, ФРГ) и М. Гигера (Цюрих, Швейцария). В нее вошли молодые лингвисты, интересы которых включают в себя широкий круг вопросов славянского языкознания.

По материалам первых двух встреч, проходивших в Германии (1997 г. – Констанц, 1998 г. – Берлин), участники проекта

POLYSLAV выпустили три сборника, получивших высокую оценку специалистов [Giger, Wiemer (Hrsg.) 1998; Giger, Menzel, Wiemer (Hrsg.) 1998; Böttger, Giger, Wiemer (Hrsg.) 1999].

На встрече в Торунь, которую организовала преподавательница филологического факультета местного университета Ева Валусяк, с докладами выступили более сорока филологов из Болгарии, Германии, Польши, России, Чехии, Словакии, Швейцарии и Хорватии. Пленарное заседание открыл кратким вступительным словом профессор филологического факультета М. Грох о в с к и й, пожелавший участникам встре-

чи успешного и плодотворного научного общения. После этого работа велась по двум секциям.

Тематика выступлений была весьма разнообразной. В докладе Б. В и м е р а (Констанц) обсуждался вопрос о критериях, определяющих выбор глагольного вида в неассертивных контекстах (прежде всего в побудительных и вопросительных предложениях). На материале русского и польского языков было рассмотрено, в какой мере выбор вида определяется семантикой глагола, а в какой – бинарным характером видовой оппозиции и категориальных понятий, которые ею разграничиваются (волеитивность, презумптивность и т.д.).

Интересную дискуссию вызвал доклад К. В у л л е н в е б е р (Йена), в котором были очерчены границы относительно нового научного направления – эколингвистики (не путать с лингвоэкологией!), а также намечены пути направлений, пути взаимодействия и взаимопроникновения эколингвистики и славянского языкознания.

Р. М а р ц а р и (Тюбинген) провел статистическое исследование распределения размеров предложения в "Повестях Белкина" А.С. Пушкина: оказалось, что эти показатели в отдельных повестях значительно варьируются между собой, к тому же по этому параметру можно провести четкую границу между самими повестями и письмом "От издателя", включенным в предисловие.

Лексические, синтаксические и просодические особенности противительных конструкций в словацком языке были проанализированы в докладе М. А д а м и к о в о й (Берлин). Предметом интереса Х. П ю ч (Гамбург) стали конструкции с двойными глаголами в русском языке (такие, как *сиди работай!*). По ее словам, их специфическая функция заключается в выражении концептуальной моноситуативности: разные базовые ситуации сливаются в единый когнитивный комплекс. Б. Б е д н а ж и к о в а (Оломоуц) сосредоточилась на проблеме выделения суффиксов и корней в академической грамматике чешского языка.

Доклад В. Ж д а н о в о й (Москва) был посвящен русским пословицам и поговоркам. Отмечалось, что в них отражаются базовые концепты сознания, из которых складывается русская картина мира. М. Я к у б о в и ч (Краков), рассуждая о пространственных метафорах, в которых концептуализуются психические состояния человека, подробно остановилась на самом частотном метафорическом противопостав-

лении "низ" – "верх" в польском и немецком языках. За этим выступлением последовала оживленная дискуссия.

Значительная часть докладов была посвящена прагматике. М. Б е ч (Тюбинген), исследовав русские обращения *господин* и *товарищ*, пришел к выводу, что изменения в распределении этих форм пока еще незначительны, невзирая на влияние общественных перемен. Случаи пренебрежительного употребления польского слова *pan* в некоторых контекстах (особенно при высказываниях о духовных лицах, политиках, писателях) анализировались М. Л а з и н с к и м (Варшава). У. Ш в е н д и м а н н (Цюрих) рассказал о стилистических и семантических особенностях польских антропонимов *osoba* и *człowiek/ludzie*. Особое внимание швейцарский ученый уделил проблематике родового распределения этих терминов, сравнивая их со словами *mężczyzna* ("мужчина") и *kobieta* ("женщина").

Предметом рассмотрения С. Д е н н и н г х а у с (Бохум) стали русские комические тексты. По мнению исследовательницы, отклонения от нормы на различных языковых уровнях – это один из важнейших (но не единственный) механизм, в результате действия которого при определенных условиях комическое становится фундаментальной языковой категорией.

А. Г а т т н а р (Тюбинген) посвятила свое выступление невербальной коммуникации: на основе корпуса русских текстов XX века были проанализированы значения и функции движений головой (втягивание головы в плечи, кивание, вскидывание головы и др.), а также возможности вербализации и декодирования этих жестов в определенных контекстах. Как считает немецкая славистика, некоторые из рассмотренных жестов многозначны; они могут сопровождать, дополнять или даже заменять речевой акт.

В докладе Б. Б р е м е р а (Тюбинген) обсуждались лексические показатели вежливого смягчения императивных высказываний в русском языке, такие, как *пожалуйста*, *будьте любезны*, *очень/убедительно* прошу, а также факторы, влияющие на выбор этих единиц. Стратегии вежливости в чешском языке анализировались Л. Х а с о в о й (Прага) с точки зрения теории вежливости Брауна-Левинсона (на материале телевизионной дискуссии на темы межэтнического общения).

Несколько выступавших говорили о проблемах социолингвистики. Р. Б л а н к е н х о р н (Берлин) проанализировала

изменения, произошедшие в немецких говорах немцев Сибири после Второй мировой войны под влиянием русского языка. Особое внимание докладчица уделила таким индикаторам языкового смещения, как использование русских слов в качестве компонентов немецких сложных слов; построение словосочетаний по русским моделям (калькирование); наличие или отсутствие адаптации русских слов к нормам немецкой морфологии; исчезновение немецких дифференцирующих категорий; существование параллельных русско-немецких форм.

К. Беттгер (Гамбург) и Я. Фрухтманн (Бремен) в совместном докладе исследовали ошибки, которые допускают русскоговорящие при изучении немецкого языка. Вступив в полемику с бихевиористскими и нативистскими объяснениями процесса усвоения иностранного языка, авторы утверждали, что решающее значение в этом процессе имеет влияние родного языка. Анализировались некоторые типы типичных ошибок, проявляющихся не только в фонологии, но и в морфосинтаксисе.

Темой выступления К. Радюнцель (Берлин) стали лингвистические особенности авторепрезентации и указаний на политического противника во внешнеполитических текстах ФРГ, ГДР и СССР (РФ). Материалом для анализа послужили тексты общих прений Генеральной Ассамблеи ООН с 1973 по 1998 гг. Сравнивая названия немецкого народа в речах представителей ФРГ и ГДР, Радюнцель при-

шла к выводу, что они отражают специфику несимметричных отношений между этими странами. В докладе констатировалось, что в текстах всех трех государств преобладают неопределенные указания на политического противника, за исключением периода обострения отношений (1980–1986 гг.), когда участились случаи прямого названия вражеской державы.

На заключительном пленарном заседании участники обсудили перспективы расширения рабочей группы POLYSLAV, а также ряд других организационных вопросов. Доклады, прочитанные на конференции, было решено опубликовать двумя сборниками.

Следующая встреча молодых славистов пройдет в октябре 2000 года в г. Казимеже (Польша), а в 2001 году POLYSLAV соберется в Праге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bötger K., Giger M., Wiemer B. (Hrsg.) 1999 – Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik. Bd. 2. München, 1999.
Giger M., Menzel T., Wiemer B. (Hrsg.) 1998 – Lexikologie und Sprachveränderung in der Slavia. Oldenburg, 1998.
Giger M., Wiemer B. (Hrsg.) 1998 – Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik. Bd. 1. München, 1998.

Н. Мусеева (Москва)

19–20 октября 1999 года Научный совет "Русский язык" РАН провел в Институте русского языка им. В.В. Виноградова юбилейную научную конференцию "Пушкин и наш язык". За два дня работы конференции было заслушано 15 докладов. Конференцию открыла Н.Ю. Шведова (Москва), председатель Научного совета "Русский язык" академик РАН.

Сопоставлению ряда пушкинских произведений с их французскими переводами был посвящен доклад В.Г. Гака (Москва) "Язык пушкинской прозы и французский язык". Автор показал, что, несмотря на известное число галлицизмов, строй пушкинской прозы коренным образом отличается от строя французской. Каждый язык обладает своим национальным стилем, своей внутренней формой на уровне высказывания, что проявляется в степени зави-

симости слова от окружения, в использовании средств сочинения и подчинения, коннекторов, в степени субъактивации предложения, в использовании "синтаксического анимизма" и ряде других явлений. В заключение автор сделал вывод, что язык Пушкина в отношении основных глубинных параметров организации высказывания противоположен французскому языку и следует общим генотипическим признакам русского языка.

Анализ выборки упоминаний пушкинских контекстов из 6-ти книг "Ассоциативного тезауруса", отражающих усредненное состояние современного языкового сознания и фиксирующих элементы повседневного дискурса, дал Ю.Н. Караулов (Москва) в докладе "Пушкин в повседневной памяти нашего современника". По мнению автора доклада, произведения Пушкина живы в повседневной памяти русских и по

количеству обращений к ним они существенно превосходят произведения других авторов. Помимо 50 пушкинских произведений, отсылки к которым обнаружены в тезаурусе, большое число глосс связано с личностью поэта, его окружением, событиями его жизни и местами национально-культурной памяти о нем.

Основным тенденциям развития стилистической структуры русского литературного языка "после Пушкина" до конца XX столетия посвятил свой доклад Ю.А. Бельчиков (Москва). Пушкин, по мысли автора, основоположник современного русского литературного языка (РЛЯ) не только потому, что в его языке нашла воплощение общенациональная норма литературного выражения, действующая до сих пор, но и потому, что в языке Пушкина заложены основные тенденции стилистического развития РЛЯ вплоть до нашего времени. Ю.А. Бельчиков предлагает различать тенденцию стилистического развития РЛЯ "после Пушкина", непосредственно импулсивированную пушкинской языковой реформой, и тенденцию стилистического развития РЛЯ, обусловленную этой реформой.

На большом сравнительном материале в докладе "Язык Пушкина и русская ментальность" П.Н. Денисов (Москва) обосновал тезис, что Пушкин не только сумел совместить русский язык с церковнославянскими и западноевропейскими заимствованиями, но сделал это в образцовых поэтических и прозаических произведениях, в содержательном плане он не только дал картины современной ему жизни, но и воскресил нашу старину: устное народное творчество и исторические были.

Т.М. Николеева (Москва) обратила внимание на то, что в последние годы одновременно появилось несколько исследований о Пушкине (Н.А. Еськова, Н.В. Перцов, А. Коджак, О.Я. Поволоцкая и др.), где демонстрируется возможность различного прочтения фрагмента текста и тем самым различия возможной интерпретации отраженной в нем реальной ситуации. В докладе "Неопределенность реальной ситуации и лингвистические средства ее оформления в пушкинских текстах" были приведены примеры неоднозначности прочтения пушкинских текстов в соответствии с их лингвистическим оформлением. В заключение докладчиком сделаны выводы о принципиальности существования неоднозначных структур в поэтических текстах.

Л.П. Крысин (Москва) в докладе "Иноязычные лексические вкрапления в

текстах А.С. Пушкина" рассмотрел различные случаи введения в поэтические, прозаические и эпистолярные тексты иноязычных лексических и фразеологических элементов в их исконном графическом виде (типа *dandy, comme il faut, a jour*), проанализировал их функции в русском тексте, семантические и формальные связи с контекстом и с потенциальными русскими синонимами, способы комментирования и оценки самим поэтом этих иноязычных выражений.

Исследованию вопроса, "что хотел сказать" автор в повести "Станционный смотритель", посвящен доклад Е.М. Верещина и В.Г. Костомарова (Москва) "Рече-поведенческое исследование Притчи Пушкина о блудной дочери". На фоне нравственной парадигмы евангельской Притчи о блудном сыне обнаруживаются так называемые **воздержательные** (абстинативные) рече-поведенческие тактики дочери смотрителя, которые значимы, поскольку они социальны, т.е. приняты в культурно-языковой общности людей. Покаяние Дуни, по сравнению с покаянием блудного сына из Притчи, – не благовременно, т.е. совершилось в тот момент, когда уже ничего не поправишь. В своей повести Пушкин, по мнению докладчиков, выступил как проponent новозаветной этики: он отверг ветхозаветную идею о неизбежном прижизненном воздаянии непочтительному сыну. Доклад, наряду с решением конкретного вопроса, также имеет целью хотя бы отчасти объективировать такие неуловимые феномены, как **национальная культура и народная духовность**.

Герменевтический анализ текста, исходя из категории автора, предложен в докладе Л.А. Новикова «А.С. Пушкин и автор романа в стихах "Евгений Онегин"». Методом и объектом такого анализа является язык (Х.Г. Гадамер). Главное внимание автор доклада сосредоточил на раскрытии диалектически противоречивого отношения "писатель" – "автор" как композиционно-речевого выявления "авторского присутствия" в романе. Решающим в определении авторской позиции (resp. точки зрения писателя) являются эмоционально подчеркнутые оценки Онегина лирическим героем, "образом писателя в романе". Изменения в структуре категории автора свидетельствуют, по мнению Л.А. Новикова, о подвижности, развитии этой категории, которая по своей природе, говоря словами В. Гумбольдта, не **Ergon, а Energeia**, в чем и состоит трудность ее определения и описания.

После докладов на вечернем заседании 19

октября был просмотрен телефильм "Противен мне род Пушкиных мятежный", снятый на ГТРК "Владимир" и показанный по областному телевидению в июле 1999 года, в дни празднования юбилея великого поэта. Авторы фильма – старший преподаватель кафедры русского языка Владимирского педагогического университета О.Д. Плышеская и журналист областного телевидения Л.Д. Скакунов. В фильме рассказывается о связи рода Пушкиных и Ганнибалов с Владимирским краем, о противоборстве двух знаменитых родов – великокняжеского, царского и боярского рода Ратчи, от которого произошли Пушкины.

На утреннем заседании 20 октября вызвал оживленный отклик и бурную дискуссию доклад А.Б. Пеньковского (Владимир) «Об эпитафии из Э. Берке к 1-й главе "Евгения Онегина", или как мы исполняем пушкинские заветы». Автор привлек внимание слушателей прежде всего к тому, что текст, о котором идет речь ("Ничто так не препятствует точности суждения, как недостаточное различение..."), было бы естественно встретить в сборнике мудрых мыслей, в научной дискуссии, в интеллектуальной беседе или переписке, но уж никак не в позиции эпитафии к "роману в стихах". И это еще одна из множества загадок, загаданных Пушкиным в его романе, который, по характеристике докладчика, является самым загадочным произведением пушкинского гения, а может быть, и всей русской литературы. Оспорив предложенную В. Набоковым и поддержавшим его Ю. Лотманом крайне узкую и жесткую привязку этого эпитафического текста к двум строчкам в тексте 1-й главы, докладчик показал, что объектом "различения" как необходимого условия "точности суждения" для Пушкина могло быть только Слово с его значениями, со значениями и смыслами. В качестве примера была показана организованная Пушкиным игра на значениях слов *преданья, старина, сны, предсказанья, сказка*.

Обоснованию тезиса о том, что текст пушкинского цикла цветаевской прозы несет отпечаток мыслительной стратегии писателя-концептуалиста, интуитивного философа, теоретика искусства, лингвиста, был посвящен доклад М.В. Ляпон (Москва) "О пушкиниане М. Цветаевой". Пушкин Цветаевой, – по мысли докладчика, – многозначная и полифункциональная смысловая единица, которая подчинена прагматике авторского дискурса и выполняет ряд задач, в первую очередь – задачу самоистолкования. Цветаева погружает Пушкина в мир

своих абсолютов, используя понятия-посредники ("любовь", "душа", "чара" и др.) для обоснования своих эстетических кредо. Проза Цветаевой, изучаемая интегративным методом, подтверждает, по мнению докладчика, важную для лингвистической теории функцию текста: его информативность для реконструкции мировоззрения автора, доминантных признаков его стиля, системы его языковых предпочтений.

В.П. Григорьев (Москва) напомнил слушателям, что в 1913 г. Давид Бурлюк, эпатируя публику, дважды выступал с докладом "Пушкин и Хлебников". Сегодня наука знает много достоверных фактов о "пушкинском" у Будетлянина и все глубже осмысливает сосуществование в нашей словесной культуре, условно говоря, "парадигм" Пушкина, Блока и Хлебникова. Доклад В.П. Григорьева подводил некоторые итоги исследования этой проблемы учеными разных стран. Автор провел параллель между "принципом единой левизны" Хлебникова и тем, что можно назвать "принципом единой полноты" у Пушкина, имея в виду его размышления о "двух родах бессмыслицы". В докладе предлагались соображения о вкладе Хлебникова в неявную систему "духовных завоеваний" (общечеловеческих "принципов") конца нашего тысячелетия и тех качеств, которых мы можем ожидать от подлинного "Будетлянина XXI века".

Доклад А.С. Беловой (Москва) "Чувства: их власть и трепет (Пушкин и поэты нового времени)" был посвящен анализу соотношения двух "смысловых сфер" – "сферы чувства" и "сферы разума" – как героев поэтического повествования у Пушкина, с одной стороны, и у Ахматовой и позднего Заболоцкого – с другой. В докладе развивается тезис, что чувство в поэзии Пушкина, рисуется прежде всего как стихия, изменчивая в своем состоянии и неподвластная рассудку и воле человека. Языковые средства изображения мира чувств у Пушкина, в отличие от поэзии Ахматовой и Пастернака, таковы, что все эти чувства открыты для читателя, обращены к нему как к участнику, к тому, кто живет этими чувствами вместе с автором и его лирическим героем.

На основе определения "языковой ситуации" ("типа сообщения" как собственно языковой категории), выводимой в опоре на понятие языкового смысла, заложенного в ядре класса русских дейктических глаголов, Н.Ю. Шведова в докладе «"Сказка о попе и о работнике его Балде" как эталоне представления языковых ситуаций» рас-

смотрела распределение типов сообщений применительно к героям "Сказки". Автор доклада обосновал тезис о характерологических функциях типа сообщения как необходимой составляющей художественного стиля и речи говорящего.

Во время дискуссии на конференции прозвучали еще два доклада. В докладе М.И. Чернышевой (Москва) "Христианские образы в лирике А.С. Пушкина" рассматривался вопрос о неочевидном лексико-семантическом пласте, незримо присутствующем в стихах А.С. Пушкина и позволяющем судить о картине мира, которая, изначально существуя в его сознании, так или иначе дает о себе знать в стихах поэта. По мнению докладчика, скрытая мысль представлена в таких словах-знаках и лексических сочетаниях, которые позволяют говорить о совпадении его картины мира с христианской. Реконструируемая на основании поэзии, она, главным образом, свидетельствует о настойчивых размышлениях Пушкина о земном мире и о роли в нем поэта. Анализ, проведенный под таким углом зрения, позволил обнаружить в лирике Пушкина "псевдохристианизмы" и "христианские неологизмы", что, по мнению автора доклада, побуждает к новому прочтению поэта.

Доклад Н.А. Еськовой (Москва) был построен как комментарий на представленный автором вопрос "Был ли Пушкин вульгарным?". В переводе письма Пушкина к Е.М. Хитрово 1828 г. французское *vulgaire* переведено прилагательным *вульгарный*. Если учесть сказанное в VIII главе "Евгения Онегина" об оставленном без перевода английском слове *vulgar*, следует признать такой перевод недопустимым; для этого французского слова должен быть найден другой русский эквивалент. Далее Н.А. Еськова проанализировала строку Пушкина-переводчика. Первая строка пушкинского перевода баллады Мицкевича "Будрыс и его сыновья" звучит так: "Три у Будрыса сына, как и он, три литвина". Не странно ли, что специально подчеркивается одинаковая "этническая принадлежность" отца и сыновей? Это, по мнению докладчика, ошибка Пушкина-переводчика. Подстрочный перевод выглядит так: "Старый Будрыс трех сыновей своих, лихих, как он сам литовцев, вызвал из избы...".

Доклады и дискуссия выявили необходимость дальнейшего исследования семантической структуры слова и текста пушкинских произведений, неоднозначность научных объяснений и выводов.

Л.Л. Агафонова (Москва)

18-19 ноября 1999 г. в Санкт-Петербурге состоялись очередные тунгусо-маньчжурские чтения, организуемые и проводимые в 4-й раз, начиная с 1993 года, Отделом алтайских языков Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН). Чтения были посвящены памяти С.М. Широкогорова, крупнейшего специалиста в области тунгусо-маньчжуроведения, к сожалению, недостаточно широко известного российским североведам.

Было заслушано 13 докладов и сообщений на различные темы языкознания, этнографии и фольклора, в них приняли участие ученые научных и педагогических учреждений Санкт-Петербурга, Якутска и Poznani (Польша).

Чтения открылись вступительным словом А.М. Щербака (С.-Петербург), содержащим краткие биографические сведения и общую характеристику научного наследия С.М. Широкогорова.

С.М. Широкогора родился в 1887 г. в имении своего отца, недалеко от Суздаля. Получив классическое образование, в

1906 г. уехал во Францию, где слушал лекции сначала в Парижском университете, а затем в l'École d'anthropologie. После возвращения в Россию его научная карьера была связана с Санкт-Петербургским университетом и с Академией наук. В 1912 г. совершил первую полевую экспедицию в Забайкалье. Затем последовала поездка в районы Забайкалья, Амурской области, Якутии и Северо-Западной Маньчжурии, с целью сбора этнографических, археологических и лингвистических материалов, продолжавшаяся с 1913 по 1917 г. В 1917 г. С.М. Широкогорov покинул Санкт-Петербург и до 1922 г. находился во Владивостоке, преподавал в Дальневосточном университете. В 1922 г. эмигрировал в Китай (Шанхай, Амой, Кантон). Сотрудничая с университетскими и научными учреждениями, продолжал вести исследовательскую работу. С осени 1930 г. до кончины, 19 октября 1939 г., постоянно жил в Пекине.

Список работ С.М. Широкогорова в первоначальном варианте составил И.И. Себребренников на основе библиографического справочника, подготовленного его вдовой, и

поместил его в приложении к некрологу (The China journal, XXXII, N 5, Shanghai, 1940, p. 205-209). Расширенный вариант библиографии издан в 1991 г. в Японии (Asian folklore studies, L-1, Nagoya, 1991). Первую научную работу – "Отчет о командировках к тунгусам и ороченам" – С.М. Широкогоров опубликовал в 1914 г., последнюю – "Тунгусский словарь" – в 1944 г. К настоящему времени вышли или выходят из печати его некоторые неизданные труды. Есть основания предполагать, что имеющиеся в нашем распоряжении библиографические сведения – неполные. Возможно, часть работ находилась в процессе завершения. Неизвестно местонахождение архива С.М. Широкогорова, большую ценность в котором представляют записи текстов тунгусского и маньчжурского фольклора.

Научные интересы и научное наследие С.М. Широкогорова поражают многообразием. На первом месте – этнография, этнология (общие и частные вопросы). Далее, психоментальный комплекс тунгусов, шаманизм и его основы. Третью группу составляют лингвистические и лингво-этнологические работы. Четвертая группа – работы, посвященные социальной организации тунгусов и маньчжуров. Небольшое количество работ выходят за пределы тунгусо-маньчжуроведения: общетеоретические и общеметодические труды, а также труды, тематически связанные с Китаем, Японией, Монголией.

В докладе "Переписка С.М. Широкогорова с Л.Я. Штернбергом" А.М. Решетов (С.-Петербург) привел дополнительные сведения из его биографии, подробно рассказал о работе С.М. Широкогорова во Владивостоке и Китае, сообщил о неизвестных архивных материалах, уточнил дату рождения (1887 г., а не 1889 г.). Докладчик особо подчеркнул роль С.М. Широкогорова в становлении китайской этнографической школы.

А.М. Певнов (С.-Петербург) изложил с критическими замечаниями содержание статьи С.М. Широкогорова о терминах ориентации у тунгусов, написанной в Китае в 1927 г. Автор пришел к выводу, что заимствованными и общими для всех тунгусов являются лишь два термина, один из которых означает "южный склон горы", а другой – "северный склон горы". Для обозначения востока и запада использовались разные термины, в том числе и описательные. По мнению С.М. Широкогорова, на смену этой древней системе ориентации приходит новая, заимствованная у маньчжуров и монголов. В некоторых случаях

докладчик предложил свой этимологический анализ тунгусских терминов ориентации и обратил особое внимание на чжурчжэньские названия стран света, которые по тем или иным причинам не попали в поле зрения С.М. Широкогорова.

В докладе М.М. Хасановой (С.-Петербург) "Взгляд С.М. Широкогорова на проблему эвенкийского литературного языка" дана характеристика написанной в 1939 г., но опубликованной в Японии лишь в 1991 г., статьи С.М. Широкогорова "Tungus literary language". В этой статье автор резко критикует попытки советских тунгусо-маньчжуроведов создать так называемые литературные языки для бесписьменных народов Севера. Так, еще в самом начале создания литературных норм для эвенкийского языка он понял, что выбор в качестве опорного непского диалекта (говора) был неправильным и что усилия энтузиастов не увенчаются успехом. Прошедшие 60 лет подтвердили точность его прогноза. Вместе с тем докладчик отмечает, что опыт кратковременного функционирования "литературных" языков народов Севера ни в теоретическом, ни в практическом отношении не был полностью отрицательным.

А.А. Бурыкин (С.-Петербург) в докладе "О некоторых маньчжуро-тунгусских лексических соответствиях" обратился к лексике "чжурчжэньского" языка, не имеющей параллелей в других тунгусо-маньчжурских языках. По мнению автора, язык образцов малого чжурчжэньского письма и классический письменный маньчжурский язык представляют собой одну и ту же языковую формацию, и "чжурчжэньский" язык не обнаруживает отличий от маньчжурского языка ни в фонетике, ни в морфологии, а отмечаемые различия в лексике являются мнимыми, поскольку основываются на недостатке документации и некоторых ошибках в определении значений слов в словаре "Хуа-и и-юй" – основном источнике лексики текстов чжурчжэньского письма. Рассмотрев 36 "чжурчжэньских" слов, для которых не были известны параллели в других языках, автор показал, что при таком прочтении этих слов и словосочетаний, которое основывается на идее тождества "чжурчжэньского" и маньчжурского языков, рассматриваемые слова имеют параллели в письменном маньчжурском, южнотунгусских языках (нанайском, орокском) и севернотунгусских языках, при этом допущения о возможности заимствования ряда слов из других языков или принадлежности их неизвестному субстрату являются избыточными.

Доклад А.Л. Мальчукова (С.-Петербург) содержал характеристику эвенских императивных форм из трех парадигм во временном, иллокутивно-модальном отношении, а также в отношении категории рода. В последнем случае особый интерес представляет форма 1-го лица мн.ч. на *-да-кун*, которая помимо инклюзивной интерпретации (функция приглашения) допускает и эксклюзивную (выражение намерения/согласия несколькими говорящими), ср.: *хор-дэ-кун!* 'пойдем(те)!' или 'ну, мы пошли'. Наличие эксклюзивной функции, плохо совместимой со значением императива, объясняется докладчиком, опирающимся на материалы эвенкийского языка, как исторически первичное.

И.Н. Новгородов (Якутск) подчеркнул необходимость разграничения основного словарного фонда тюркских и тунгусо-маньчжурских языков в целях окончательного решения алтайской гипотезы. Согласно его мнению, исследование целесообразно проводить с учетом членения тюркского языкового пространства по признаку *s-lj-* и, в частности, путем выявления ранних якутских заимствований из тунгусо-маньчжурских языков.

В докладе "С.М. Широкогоров о билабиализации и аспирации в тунгусо-маньчжурских языках (в связи с урало-алтайской гипотезой)" А.М. Щербак кратко изложил содержание двух тесно связанных между собой работ С.М. Широкогорова: "Notes on the bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages" и "Ethnological and linguistic aspects of the Ural-Altaic hypothesis". Автор придерживается той точки зрения, что причиной крайней нерегулярности соответствий в аспирации и билабиализации начальных гласных является смешанность лексики тунгусо-маньчжурских языков. По степени смешанности выделяется нанайский язык, занимающий особое место в урало-алтаистике, так как в нем как будто бы сохранился гипотетический **r*, который для С.М. Широгорова незначителен, а вторичен. Значительная часть другой работы – критический разбор, с позиций тунгусо-маньчжуроведа, урало-алтайских параллелей, собранных в монографии А. Соважо "Recherches sur vocabulaire des langues ouralo-altaïques", вышедшей в 1930 г.

Доклад С.Л. Чаркова (С.-Петербург) опирается на анализ семантических изменений в синкретических формах эвенкийского языка, наблюдаемых при переходе одной части речи в другую и проявляющихся в развитии от конкретных

значений к отвлеченным, а также в постепенном "отрыве" вторичного адъективного или глагольного значения от первичного именного.

Л.И. Сем (С.-Петербург) посвятила свой доклад лингво-этнографическому описанию тазов – небольшой этнической группе юга Дальнего Востока, сложившейся сравнительно недавно в результате смешения представителей ряда тунгусо-маньчжурских народностей и китайцев, говорящей в настоящее время на северном диалекте китайского языка, но сохранившей некоторые особенности тунгусо-маньчжурского типа как в языке, так и в системе традиционных верований.

В докладе С.Е. Яхонтова (С.-Петербург) речь идет о месте в классификации трех тунгусо-маньчжурских языков Северо-Восточного Китая – эвенкэ, элунчунь и хэчжэ (первые два этнонима представляют собой китайскую транскрипцию слов "эвенк" и "орочон"). Сравнение их со старыми записями А.О. Ивановского 1894 г. показывает, что язык элунчунь почти полностью совпадает с манеги́рским диалектом эвенкийского, а эвенкэ очень близок к солонскому. Все эти языки входят в состав сибирской ветви тунгусо-маньчжурских языков. Сложнее обстоит дело с языком хэчжэ (описан лишь один из его диалектов – килен; второй, хэчжэн, известен лишь по небольшому числу примеров). В лексике диалекта килен имеются многочисленные слова, общие для сибирских и приамурских языков, и некоторое количество маньчжурских элементов, но нет слов, специфических для приамурской ветви. Хэчжэн, кажется, стоит несколько ближе к нанайскому. Сходные неясности наблюдаются и в области фонетики. Например, маньчжурскому *ф* и приамурскому *п* соответствует в килен *ф*, в хэчжэн – *х* (*ф* перед губными гласными); в словах, имеющих начальный *х* только в приамурских языках, в хэчжэ начальный согласный отсутствует. Автор предполагает, что язык хэчжэ составляет особую, четвертую ветвь тунгусо-маньчжурской группы языков (или третью подгруппу в их южной группе).

Очень интересным для участников стал доклад Т.А. Пан (С.-Петербург) "Маньчжурские столицы Китая". Исследовательница познакомила слушателей с историей городов, связанных с именами первых маньчжурских императоров, причем ее выступление сопровождалось демонстрацией слайдов, сделанных во время поездок в КНР. Особое внимание привлекло сообщение, что

этноним "маньчжуры" и наименование "маньчжурский язык" были введены в обиход императорским указом в 1636 году вместо ранее бытовавших наименований "чжурчжэни" и "чжурчжэньский язык".

А. М а е в и ч (Познань) в своем кратком выступлении назвал работы по тунгусо-маньчжуроведению, изданные в последние годы в Польше, среди которых важное место занимают издания материалов

Б.О. Пилсудского по языкам народов Приамурья и Сахалина.

Участники конференции единодушно одобрили опыт проведения подобных мероприятий и выразили пожелание расширить и углубить тематику лингвистических и лингво-этнографических обзоров.

В.Д. Аткинн, А.А. Бурыкин
(С.-Петербург)